

Редакционная коллегия:

Б. И. Козлов (главный редактор),
В. В. Бабков, Е. Н. Будрейко (ответственный секретарь), Вл. П. Визгин, В. А. Волков,
В. Л. Гвоздецкий, В. Г. Горохов, С. С. Демидов, Ю. А. Жданов,
С. Г. Кара-Мурза, В. П. Карцев, С. П. Капица, В. Ж. Келле,
В. И. Кориюкин, В. И. Кузнецов, Н. И. Кузнецова (зам. главного редактора),
А. М. Кулькин, Л. А. Маркова,
С. Т. Мелюхин, В. М. Орел, С. Я. Плоткин, Л. С. Полак, А. И. Половинкин,
Б. В. Раушенбах, И. А. Резанов, В. Н. Сокольский, А. Л. Тахтаджян,
Д. Н. Трифонов, А. Н. Шамин, Б. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский

Номер набран и сверстан на электронном оборудовании
Института истории естествознания и техники РАН

НОМЕР ГОТОВИЛИ:

редакторы Куликова Марина Владимировна, Курбатова Елена Сергеевна,
компьютерный набор — Алексеев Константин Игоревич,
оригинал-макет — Марцинкевич Алексей Юрьевич

Заведующая редакцией Г. Н. Савоськина

Подписано к печати 17.05.94 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл. печатн. 14,3 Усл. кр.—отт. 29,6 тыс. Уч.—изд. л. 18,0 Бум. л. 5,5
Тираж 2076 экз. Заказ 1208 Цена 90 р.

Адрес редакции: 103012, Старопанский пер., 1/5
телефон: 928—1190, Fax: (095) 925—9911, E-mail: HiSciTe@ihst.msk.su

Московская типография № 2 ВО «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

© Издательство «Наука»,
«Вопросы истории естествознания и техники», 1994 г.
При перепечатке, переводе на иностранные языки,
а также при ином использовании оригинальных материалов журнала
ссылка на ВИЕТ обязательна.

Я. С. ЛУРЬЕ, Л. С. ПОЛАК

СУДЬБА ИСТОРИКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

(С. Я. Лурье: жизнь и творчество)

Его собеседниками были Демокрит, Геродот, Плутарх, Архимед... Немало времени отдано им работе «Вопросы войны и мира 2300 лет назад», он занимался историей античной науки, теорией бесконечно малых у древних атомистов. При этом, как вспоминает В. А. Каверин: «Ничто не говорило о том, что он был знаменитый, глубокий ученый. Он был быстр, смешлив, остроумен, подвижен и необычайно скромно. Работал он всегда. Его большой письменный стол был от края завален... рукописями, и он отрывался от них только тогда, когда неотложные житейские дела не давали ему возможности работать...» [1, с. 10—11].

О том, что он — «знаменитый, глубокий ученый», говорят его труды — их более двухсот. О том же говорит изданная о нем в Париже книга [2]. А мы хотели бы почтить его память небольшой статьей, рассказав, хотя бы кратко и бегло, о его научных открытиях и многотрудной, не особенно счастливой жизни.

Соломон Яковлевич Лурье родился 25 декабря 1890 г. (7 января 1891 г.) в Белоруссии, в городе Могилеве. Его отец, Яков Анатольевич Лурье, врач по профессии, был весьма и разносторонне образован: он окончил естественный факультет в Петербурге и медицинский в Харькове, знал множество языков и среди них — древнееврейский, латынь, древнегреческий.

Гимназист Лурье увлекался математикой, но затем, под влиянием отца, переключился на древнегреческий и латынь*. Занятия древнегреческим кардинально изменили его первоначальные намерения, и в 1908 г. он поступил на классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, где он слушал лекции Ф. Ф. Зелинского и М. И. Ростовцева, но основным его учителем стал Сергей Александрович Жебелев, историк-источниковед. Под влиянием Жебелева С. Лурье еще в студенческие годы начал заниматься греческой эпиграфикой — чтением и восстановлением частично утраченных текстов древних надписей. Такое восстановление представляет собой очень интересную логическую операцию: строки текстов обычно написаны так, что в каждом случае буква нижнего горизонтального ряда помещена под соответствующей буквой верхнего ряда; таким образом количество их заранее определено. Восстановление надписи оказывается поэтому сходным с решением математической задачи или кроссворда: оно требует одновременно изобретательности и строгой доказательности. Уже первая работа Лурье была посвящена одной из таких надписей, про-

* Этот важный эпизод из своей биографии он впоследствии включил в книгу для детей «Письмо греческого мальчика» [3]. Для издания на украинском языке С. Я. Лурье написал новое начало, где рассказывается, как он, юный гимназист, под влиянием «дядька»-филолога стал заниматься древнегреческим и латинским языками, которые прежде ненавидел из-за бессмысленной зубрежки: «К моему великому удивлению, эта наука, что так надоела мне в гимназии, оказалась очень интересною в пересказе дяди. Я узнал, что греческий, русский, латинский, немецкий языки во многом сходны между собой. Грамматику, как и математику, надо не зубрить на память, а понимать... Когда дядя уехал, я с большим увлечением стал читать творения греческих писателей. И учителя в гимназии и мои родители были очень удивлены, когда узнали, что после окончания гимназии я собираюсь поступить не на математический факультет, а на филологический» (см. [3, с. 14—19], перев. на украинск.). Роль «дядька» играл в действительности отец Соломона Яковлевича.

*Супруги Соломон Яковлевич и
София Исааковна Лурье.
Ленинград, около 1931 г.*

исходившей из беотийского города Херонеи [4]. На эпиграфическом материале было построено и исследование «Беотийский союз» [5], за которое Лурье получил золотую медаль и был оставлен в университете «для подготовки к профессорскому званию» (по теперешней терминологии — аспирантура).

Занимаясь эпиграфикой, С. Я. Лурье приобрел большой международный авторитет. К сожалению, участие С. Я. Лурье в Международной редакции издания греческих надписей (*Supplementum Epigraphicum Graecum*), куда он был избран в 1926 г., осталось заочным. Занимаясь всю жизнь греческими памятниками, Лурье так и не получил никогда возможности увидеть Грецию, как, впрочем, и другие страны. Предложенная им система датировки надписей по их формулярам (расположению текста) вызвала одобрение самого авторитетного классического филолога мира — У. Виламовица. «Это подлинное достижение, и я желаю вам дальнейших успехов», — писал Виламовиц [6].

Большое место в работах С. Я. Лурье занимала античная литература. Вопросы отражения политической борьбы в греческом театре, к которым он обращался еще в студенческие времена и занимался в течение всей жизни, были обобщены в моногра-

фии, полностью так и не изданной, — «Художественная форма и вопросы современности в аттической трагедии», — защищенной как диссертация на степень доктора филологических наук в 1944 г. (степень доктора исторических наук была ему присуждена в 1934 г.). Занимаясь фольклорно-мифологическими сюжетами в литературе, Лурье был, однако, убежденным противником популярных среди филологов теорий «особого мышления» людей далекого прошлого. «Как о чужой духовной жизни мы можем заключать только по аналогии с нашей, так и о духовной жизни прошлых эпох мы можем судить только по аналогии с духовной жизнью нашей, единственно доступной нам эпохи» [7, с. 17].

Уже эпиграфические работы открыли перед Лурье и более общие исторические вопросы. Одной из основных тем его научных изысканий стала тема «метеков и метекства» — существование внутри общества неполноправных слоев населения.

Одному из аспектов этой темы была посвящена его книга «Антисемитизм в древнем мире» [8]. Опубликованная только в 1922 г., она была задумана и в значительной степени написана до революции — во время первой мировой войны, которую С. Я. Лурье резко осуждал (с этим было связано его сотрудничество в единственном пацифистском интернациональном журнале, выходившем тогда в России, — «Летописи», издаваемом Максимом Горьким) [9].

В предисловии к исследованию [8] Лурье писал: «Работа обещала очень много, так как вместе со мной за эту же работу взялся мой покойный отец, лучше меня вооруженный для нее...» Отец и сын переписывались и полемизировали по теме книги (частично их переписка сохранилась), но оба были согласны с тем, что традиционные объяснения антисемитизма неким единым фактором — экономическим, политическим или каким-нибудь другим — недостаточно убедительны.

Впоследствии, в рецензии на книгу «Антисемитизм в древнем мире», П. Ф. Преображенский, осуждая автора-филолога за отсутствие достаточной «теоретической подготовки» в области истории, объяснял специфическое положение евреев в античном мире присущим им «церковным типом социальной организации» [10, с. 196—197]. Однако это объяснение не убедительно ни в конкретно-историческом (античность), ни в более широком плане (история последующих веков и

особенно Нового времени). Очевидно, предложить объяснение антисемитизма (как и всякого шовинизма и, в частности, агрессивного-злобного фашистского или родного «советского») одним махом на все случаи жизни вообще едва ли возможно. И С. Я. Лурье, и его отец были согласны в том, что и иудаизм, и антисемитизм возникли после первого завоевания Иудеи. Судьба еврейства в значительной степени определялась тем, что его представители оказались в положении метеков — неполноправных жителей соседних стран, а с I в. до н. э. — римской державы.

Тема метеков и более широкая проблема взаимоотношений коренного и неполноправного населения античных государств развивалась Соломоном Яковлевичем и в последующих книгах — «Антифонт» [11], «Предтечи анархизма в древнем мире» [12]. Лурье считал, что софист Антифонт (конец V в. до н. э.) был враждебен государственному строю, существовавшему в античных полисах, противопоставляя ему свободные ассоциации «друзей», «ближних». Антифонт отвергал всякое противопоставление «знатных» «незнатным», «варваров (иностранцев)» — эллинам: «...от природы все мы дышим воздухом через рот и едим руками» [11, с. 63]. Употребляя терминологию Ф. Ф. Зелинского, Лурье утверждал, что в учении Антифонта новая, «онтономическая мораль» (основанная на признании прав отдельной человеческой личности) вступала в противоречие с традиционной, «филономической» моралью, для которой главным источником нравственного чувства была государственная община — полис.

Обнаруженные в памятниках античной литературы явления С. Я. Лурье осмысливает в широком историческом контексте. Проблемы взаимоотношений различных групп населения внутри многонациональных и национальных государств возникали не только в античности, но и в самые различные эпохи человеческой истории. Всегда ли противоречия между ними диктуются исключительно языковыми, этническими или конфессиональными различиями?

Во второй половине XX в. многие колониальные народы, боровшиеся с колонизаторами и добившиеся независимости, не отказались от языка бывших колониальных империй — испанского, португальского, английского, французского. Ожесточенная борьба в Северной Ирландии не продиктована ни этническими, ни языковыми различиями: разграничительным признаком является вероисповедание; выступают на сцену иные факторы. С другой стороны, в Швейцарии мирно сосуществуют разные языки и конфессии.

Именно разнообразие причин, вызывающих противоречия между различными группами населения, побуждало Лурье вспоминать возникавшие в Австро-Венгрии перед первой мировой войной проекты преобразования Габсбургской империи «в политическую федерацию экстерриториальных национальных общин, из которых многие могли совпадать друг с другом территориально, отличаясь лишь своим персональным составом... То, что речь шла о национальных общинах, объясняется, конечно, условиями взаимной грызни и национальных притеснений, вынуждавшими людей видеть самое тесное человеческое общение в общении национальном... Почему признаком однородности людей должна служить национальность, а не профессия, не интересы и устремления, склад, характер и т. д.?» [11, с. 153—154]. Сходную мысль он встречал и у учителя Антифонта — Демокрита: «Не все сородичи друзья, а только те, кто думает одинаково о полезном. Единомыслие создает дружбу» [13, с. 370, ф. 711].

Вопросы, поставленные в трех названных монографиях, заняли немалое место и в важнейшей книге Лурье довоенного периода «История античной общественной мысли» [7]. В ней он рассматривал историю политической борьбы и общественной мысли в Греции с древнейших времен до нашей эры.

Главной темой, проходящей через всю книгу, был вопрос о противоречиях между партикуляризмом античных классов и стремлением к межполисному единению. Противоречие это рассматривалось в связи со всей историей античной демократии и ее гибели в IV в. до н. э. Интенсивный торговый обмен между полисами и общественные условия настоятельно требовали объединения греческих городов-

государств, уничтожения различий между полноправными гражданами и метеками. Но общественное сознание греков периода расцвета античной демократии не доросло еще до признания этой необходимости. Такое отставание общественного сознания от общественного бытия С. Я. Лурье объяснял «рудиментарно-традиционным» приспособлением сознания к реальной жизни (см. [7, с. 9—18]). Даже в период македонского завоевания «филономическая» религиозно-нравственная система сохраняла свою силу в сознании эллинского общества. Призрачная независимость и самодовление (автаркия) крошечных греческих государств, презрение к физическому труду и ремеслам, отрицание прав иностранцев — «все это были рудименты, пережитки... И все же их было слишком много и сидели они слишком глубоко, чтобы можно было их преодолеть. Эти утопленники тащили за собою в пучину живых; греческое общество чувствовало неизбежность гибели и беспомощно билось в предсмертной агонии».

Оригинальные концепции, предложенные С. Я. Лурье, не претендовали на бесспорность. Однако серьезного критического разбора так и не последовало: как и многие другие научные работы, книга Лурье в 1930 г. подверглась не профессиональной, а «проработочной» критике. Ссылки автора на «общественные инстинкты», «рудиментарно-традиционное приспособление» античного сознания к реальной жизни были признаны «биологизмом» — биологическим подходом к истории развития общества. Современному читателю этот термин может показаться странным и непонятным, но тогда он был одним из ярлыков, которые охотно навешивались на осуждаемые сочинения.

Ильф и Петров, которых С. Я. Лурье любил и охотно цитировал, составили даже специальные идеологические вирши, своеобразную шпаргалку, по которой критики — «первые ученики» — определяли грехи критикуемых авторов. Там были такие строки:

Страшен, дети, техницизм,
Биология вредна...

Вот эту «биологию» и поставили в вину С. Я. Лурье («Его теория представляет собою чистейший биологизм... В марксистской шкуре все время... виден биолог», — высказался об «Истории античной общественной мысли» некто А. И. Тюменев (цит. по [2, с. 139]), вскоре ставший академиком.

Проработка имела для Лурье серьезные последствия: в 30-м году гуманитарные факультеты Ленинградского университета были ликвидированы, а в организованный вместо них Институт философии, литературы, истории (ЛИФЛИ) принять его на работу отказались, и в течение нескольких лет Соломон Яковлевич преподавал математику в техникумах Ленинграда и его пригородов, ибо преподавание истории в средних учебных заведениях тоже в те годы не велось.

Однако преподавание математики побудило С. Я. Лурье обратиться к теме, занимавшей его давно, — к истории точных наук.

В 1934 г. историческое образование в учебных заведениях восстановили, и Лурье вновь приглашают в университет. С 1933 по 1935 гг. он работает также в секторе истории физико-математических наук Института истории науки и техники АН СССР, где одновременно с ним трудятся такие прекрасные люди и хорошие ученые, как С. Ф. Васильев, М. Я. Выгодский, И. А. Боричевский. В работе сектора принимали участие С. И. Вавилов и А. Н. Крылов. В университете Лурье проработал до 1949 г., причем в 1937—1949 гг. по совместительству сотрудничал еще и в Ленинградском отделении Института истории.

Это было тяжелое время — особенно конец 30-х годов: одного за другим репрессировали трех деканов исторического факультета, пострадали многие профессора и преподаватели. Был арестован ряд близких к С. Я. Лурье лиц. Для характеристики человеческих качеств С. Я. Лурье необходимо сказать, что во всех этих случаях он не только не забывал репрессированных друзей, но и делал все возможное, чтобы им помочь. К своим хлопотам он привлекал и таких влиятельных и авторитетных ученых, как академик А. Н. Крылов.

Уместно здесь вспомнить историю, случившуюся с его книгой «Очерки по истории античной науки» [14]. Он посвятил эту книгу одному из авторов настоящей статьи, в то время «простому советскому заключенному». На отдельной странице на древнегреческом языке было дано посвящение:

*Δῶρον τοῦτο Λέοντι φέρων νῆω Εὐλομῶνος
εὐχόμεαι ὄψεσθαι σ', ἥδ' ὁ συνερυέ, ταχὺ,*

что в переводе означает:

Преподнося этот дар Льву, Соломонову сыну,
Вскоре надеюсь тебя встретить, мой друг дорогой.

Для того чтобы понять, какого мужества требовал этот поступок, нужно попытаться обнаружить хотя бы еще один такой же...

Эпоха-то была классически тоталитарной, в сталинском исполнении. Значит, были и полчища «энтузиастов». Донос последовал немедленно. Но удалось приглушить закономерное развитие событий: вырезали страницу из всего уже переплетенного тиража. Сохранилось всего три-четыре экземпляра книги с посвящением.

Но, как это ни парадоксально, именно этот период стал временем наиболее плодотворной преподавательской деятельности С. Я. Лурье. В эти годы сложился основной круг его учеников. С обширным комментарием и цитатами из параллельных источников вышли в свет его переводы Ксенофонта и Плутарха, очень важные для проводимых им семинаров с античниками.

Тогда же написан курс истории классической Греции, первая часть которого опубликована в 1940 г. [15]. В этом курсе основное место уделено политической истории, в частности — взаимным отношениям греческих государств. Как и в статьях, включенных в издание Плутарха [16], и в более поздней монографии «Геродот» [17], Лурье противопоставлял поздней плутарховской версии общеэллинского единства в войнах греков с Персией версию Геродота, нарисовавшего сложную картину взаимоотношений между греками и варварами в этой войне. Сама по себе мысль о социальных противоречиях и противоречивых позициях греческих государств во время Греко-персидских войн не представляла собой чего-то нового и неожиданного. Об этих противоречиях писали Эд. Мейер и другие; историки Нового времени также часто отмечали различные позиции социальных групп в мировых войнах. Но в послевоенные годы такое повышенное внимание к социальным противоречиям уже не соответствовало новым веяниям в советской исторической науке.

В 1948—49 гг. бывшего «адепта биологизма» С. Я. Лурье осудили за «антипатриотическое» освещение Греко-персидских войн. В постановлении Ученого совета Ленинградского отделения Института истории от 14 апреля 1949 г. было указано, что «космополитизм С. Я. Лурье выразился... в упорном протаскивании идей так называемой мировой науки» и в «отрицании освободительных войн и идей патриотизма в древности» [18].

«Предположим, что книга С. Я. Лурье появилась бы... осенью 1941 года, когда враг стоял у ворот Москвы и Ленинграда... она была бы, конечно, вредна», — заявил на обсуждении работ Лурье С. И. Ковалев. Напрасно С. Я. Лурье возражал, что такое рассуждение порождено взглядом на историю, как на «политику, опрокинутую в прошлое»: «Как будто для нынешнего читателя будет менее поучительным примером, если он узнает, что афиняне вели справедливую освободительную войну с персидским агрессором... из афинского патриотизма, а спартанцы из спартанского, чем если узнает, что и те и другие умирили ради интересов Эллады в целом» [19].

В 1949 г. Лурье был отстранен от работы и в Академии наук, и в университете; вторая часть его курса истории Греции (доведенная до корректуры) опубликована уже в наши дни, в 1993 г. [20], через 53 года после выхода в свет первой части [15] и спустя почти 30 лет после смерти автора. С 1950 по 1952 г. он работал в Одесском институте иностранных языков преподавателем латинского языка, а в конце 1952 г. вышел на пенсию (см.: [21, с. 202—208]).

В конце 1953 г. С. Я. Лурье возвращается к преподавательской работе — последней в его жизни: становится профессором на кафедре классической филологии во Львовском университете. К этому времени относится опубликование им статьи, посвященной локальной теме, но предлагавшей неожиданное и остроумное решение давней научной проблемы. Речь шла об известном херсонесском декрете в честь Диофанта, где упоминалось, что во время пребывания Диофанта в Боспорском царстве «скифы с Савмаком во главе устроили мятеж и убили вскормившего его боспорского царя Персиада, а против него самого составили заговор». «Вскормившего его» — исследователи относили эти слова к Савмаку, а С. А. Жебелев в 1933 г. предположил, что «вскормленный» Персиадом Савмак был домашним рабом и, следовательно, восстание Савмака было восстанием рабов [22]. В 1948 г. С. Я. Лурье вновь прочитал декрет в честь Диофанта и задумался над словами «вскормившего его». Кого «его»? Декрет был высечен на камне в честь Диофанта. Не следует ли понимать это указание в том смысле, что «вскормленным» Персиада (но не рабом, а родичем) был сам Диофант? Но тогда отпадало предположение о рабском состоянии Савмака и о восстании рабов под его руководством. Доклад на эту тему Соломон Яковлевич сделал еще в 1948 г. на научной сессии в Симферополе (см.: [23]), но опубликован он тогда не был — из-за событий «космополитической кампании» 1949 г. Даже после 1953 г. напечатать статью в «Вестнике древней истории» не удалось, и она была опубликована в 1959 г. в польском журнале [24]. Статья и доклад вызвали весьма энергичные возражения В. Ф. Гайдукевича [25], В. В. Струве [26] и др.

Для того чтобы понять причину отмеченного одним из исследователей [27, с. 253] упорного нежелания принять «естественное толкование», предложенное С. Я. Лурье, следует напомнить, что с 1933 г., после выступления Сталина на съезде колхозников-ударников, считалось необходимым там, где некогда были рабовладельческие государства, а особенно на территории нашей родины, отыскивать следы «революции рабов». Именно этим, очевидно, объясняется и то, что традиционный взгляд на Савмака, как на «вскормленного» (раба) Персиада, встречается даже в учебниках последних десятилетий [28].

Особое место в трудах С. Я. Лурье занимают исследования по истории науки в античности и в последующие века.

В 1947 г. С. Я. Лурье опубликовал книгу «Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета» [14]. Книга, по словам автора, возникла естественно в процессе создания и обработки нового большого собрания отрывков из Демокрита с обширным комментарием. Собрание это осталось неизданным при жизни Лурье и было опубликовано лишь в 1970 г. [13]. Известное собрание, выполненное Дильсом (*Die Fragmente der Vorsokratiker*), ученый расширил более чем вдвое, дополнив его новыми фрагментами. Насколько интересны эти фрагменты, видно из того, что задолго до издания 1970 г. отрывки, приведенные Лурье в отдельных работах (ранее не привлекавшихся), почти все включены Кранцем в его переиздание собрания Дильса. Новый материал, как и следовало ожидать, потребовал существенного изменения реконструкции учения Демокрита.

Эту задачу Лурье решил в «Очерках по истории античной науки», связав учение Демокрита со взглядами его предшественников, его окружением, социально-экономической и духовной обстановкой того времени, с вопросами относительно влияния первобытной «науки», религии и магии на античную науку.

Взгляды самого С. Я. Лурье на Демокрита восходят к взглядам ученых Возрождения — Бэкона, Галилея и др. Вслед за ними он показывает, что Платон и Аристотель не были творческими деятелями античного естествознания, — они и не ставили себе такой задачи; кропотливую работу естествоиспытателя Аристотель считал делом, достойным раба, а не свободного человека, из античного естествознания он (так же, как и Платон) заимствовал только то, что казалось ему полезным для построения философской системы.

По мнению С. Я. Лурье, Демокрит стоял на точке зрения математического

атомизма (см.: [29, с. 20—22]). Мельчайшие тела в представлении атомистов не имели частей, как это видно и из сохранившегося до наших дней отрывка из Демокрита. Необходимость атомистического мирозерцания обосновывается в нем не ссылкой на те или иные физические явления, а указанием на чисто математические затруднения, возникающие в том случае, если мы считаем пространство непрерывным.

Демокрит считает, что геометрические тела распадаются на тончайшие листики (плоскости), плоскости — на тончайшие нитки (линии), линии — на мельчайшие зернышки (точки). Конечно, это не были идеальные плоскости, линии, точки в том смысле, как трактует это современная геометрия. Все абстрактные понятия математики виделись ему в конкретных материальных образах.

Аристотель свидетельствует, что атомисты Левкипп и Демокрит клали в основу всех различий между вещами три отличительные особенности атомов: форму, порядок и положение. Иллюстрируется это сравнением с буквами. А отличается от N формой, AN от NA — порядком, а Z от N — положением. В другом месте, излагая мысли Левкиппа и Демокрита, Аристотель говорит, что «из одних и тех же букв возникают и трагедия и комедия».

В своей книге «Развитие естествознания в эпоху античности» [30] И. Д. Рожанский неоднократно ссылается на работы С. Я. Лурье (в частности на [13, 31]). И. Д. Рожанский отмечает, что в соответствии с мнением С. Я. Лурье у атомистов действительно имело место отождествление понятия $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$ с понятием материальных первочастиц — атомов [30, с. 89]. Что касается математического атомизма Демокрита, то «...страстным адептом этого атомизма стал наш соотечественник С. Я. Лурье. В работах этого исследователя, относящихся к атомистике Демокрита, имеются блестящие и остроумные догадки, соседствующие, однако, с малоубедительными предположениями и не слишком достоверными гипотезами» [30, с. 315]. И. Д. Рожанский пишет, что «новая интерпретация атомистического учения Демокрита <...> была выдвинута в 30-х годах <...> С. Я. Лурье. Основная идея этой интерпретации состоит в следующем: у Демокрита было два класса неделимых величин, не совпадавших друг с другом» [30, с. 324]. Первый — атомы неделимые физически в силу своей твердости и плотности; второй — значительно более мелкие величины, неделимые математически, «не имеющие частей», — амеры. Существовала ли в античности такая «двойная атомистика»? Это прямо доказывается «Письмом к Геродоту» атомиста Эпикура. Был ли математический атомизм его открытием, или он развит еще Демокритом, может быть выяснено, только если благодаря чудесному вмешательству судьбы в наших руках окажутся тексты самого Демокрита, считающиеся утерянными. Вероятность того, что это может случиться, представляется ничтожно малой (см.: [30, с. 329]).

Среди исследователей, занимавшихся выяснением того, в каком отношении друг к другу находились физически неделимые атомы и минимальные «умопостигаемые» (математические) величины, не существует единства мнений. Многие возражения против точки зрения С. Я. Лурье основаны на критике и разночтениях переводов дошедших до нас, порой крайне отрывочных, фрагментов древних авторов [32, 33].

Подводя итоги своих исследований в этой области, С. Я. Лурье пишет: «...я показал, что примитивное суммирование бесконечно малых частиц, вызванное, по-видимому, практическими потребностями, возникло в Греции уже в первой половине V в. Понятно, что оно было еще плохо обосновано и внутренне противоречиво; оно вызвало резкую и справедливую критику Зенона Элейского. Но эта критика грозила погубить новый столь плодотворный творческий метод прежде, чем он успел принести плоды. На защиту этого метода выступает атомистическая школа, руководимая Демокритом. Выдвинутая этой школой теория, которую я назвал математическим атомизмом, исходит из представления о границе делимости. Математические величины делимы не на бесконечное, а конечное, хотя и очень большое число частей. Каждая такая частица неделима в том смыс-

ле, что не имеет частей — не имеет ни „правой“, ни „левой“, ни „верхней“, ни „нижней“, ни „задней“, ни „передней“ части (*ἀμικρῆς*, indivisible)» [34, с. 77].

В том же атомистическом духе было преобразовано и представление о времени и движении; и непрерывно текущее время, и непрерывное движение были, с точки зрения атомистов, только нашим домыслом, а движение подобно наблюдаемому на киноплёнке. Тело никогда не двигалось, как говорили атомисты, но всегда уже двинулось. Эта концепция стояла в прямом противоречии с основами общепринятой античной математики, не только допускавшей, но и доказывающей бесконечную делимость величин. Чтобы опровергнуть эти доказательства, необходимо было перестроить всю геометрию. Такая попытка была действительно предпринята античными атомистами; не может быть сомнений в том, что атомисты пытались точно обосновать свои инфинитезимальные процедуры. Насколько им это удалось, мы уже судить не можем ввиду фрагментарности наших сведений. Надо думать, что без известных логических противоречий дело не обошлось.

С. Я. Лурье справедливо отмечает, что в ряде случаев Архимед получал свои решения атомистическим способом, а затем переводил каждый этап этого решения на язык метода исчерпывания. Он, например, точно так же, как Демокрит, разлагает цилиндр, конус или шар на чрезвычайно тонкие листки-кружки. Далее он доказывает нужное ему положение для одного из кружков, затем замечает, что его вывод должен быть верен для любого из кружков, и, наконец, так как, по его мнению, все сложено (состоит) из таких кружков и целиком заполнено ими, он сразу же строит умозаключение и для целого. Правда, эта заимствованная у атомистов предпосылка применяется здесь только на первой стадии — для нахождения предварительных решений без строгого доказательства. Гипотеза атомистов полезна, значит ее надо использовать; она недостаточно убедительна, — значит, сделанные при ее помощи выводы надо проверять другим, более убедительным образом (см. «Послание к Эратосфену» Архимеда). В противовес учению атомистов математики IV в. до н. э. выдвигают «метод исчерпывания», одним из основателей которого был Евдокс. Этот метод, получивший в XVII в. название «Архимедова метода», хотя и более строгий, чем «атомистический метод», эвристически был гораздо менее плодотворным. Архимед сыграл огромную роль не только в истории математики в эллинистическо-римскую эпоху (Герон, Папп) и в средние века (арабские математики), но и в XVII в., в один из наиболее блестящих периодов бурного развития математики. В то время как в странах греко-римской культуры математика находилась в состоянии падения и застоя, с IX века начинается новый ее расцвет в центрах арабской культуры. Отсутствие всяких философских и языковых ограничений оказало благотворное влияние на возрождение греческой науки и ее дальнейшее развитие у арабов. Одно из первых мест в этом возрождении принадлежит научным трудам Архимеда. Именно арабы сохранили и в значительной степени донесли и развили греческую математику для последующих поколений. Начало серьезной работы над математическими рукописями Архимеда, дошедшими до Запада через арабов, положил великий основатель символики нынешней алгебры Франсуа Виет (1540—1603). Затем «атомистический» метод Архимеда в несколько измененном виде применил Кеплер в вышедшей в 1615 г. книге «Стереометрия винных бочек», первая часть которой озаглавлена «Архимедова стереометрия». Кеплер угадал эвристический метод неделимых, применявшийся Архимедом.

Высокая оценка эвристической силы «математического атомизма» Демокрита, продемонстрированная на примере замечательных работ Архимеда, естественно вызвала у С. Я. Лурье интерес к появлению на научной основе этой концепции в XVI—XVIII вв. Здесь его особое внимание обратила на себя книга замечательного итальянского математика Б. Кавальери. Опубликованная впервые в 1635 г., «Геометрия» Кавальери была издана затем в 1653 г. (после смерти автора) и с тех пор ни разу не переиздавалась и не переводилась ни на один из языков.

С. Я. Лурье перевел ее на русский язык, сопроводив большой статьей и обширными комментариями* [35].

«Трудности, с которыми сопряжен перевод этой книги, неисчислимы», — писал С. Я. Лурье. Переводчику приходилось придумывать русскую терминологию, адекватную терминологии Кавальери, точно передавать его стиль, чуждый нам ход рассуждений, да при этом сохранить общий колорит произведения. Нужно было также увидеть, понять и исправить многочисленные опечатки и пропуски, подчас совершенно искажающие смысл фраз; часто нужно было мобилизовать немало остроумия и изобретательности, дабы восстановить первоначальный текст. Поэтому очень важны и комментарии С. Я. Лурье — 60 страниц при 240 страницах текста! Однако эти комментарии не только служат пояснениями: для того, чтобы в полной мере оценить открытия Кавальери, надо было сравнить его труд с достижениями древних и заметить как отличия, так и единую линию эволюции, то есть, во-первых, установить источники учения Кавальери, а во-вторых, проследить влияние Кавальери на ближайшее развитие геометрии и даже на переводы арабских и греческих текстов, появившихся после выхода «Геометрии» в свет.

Свой перевод С. Я. Лурье предварил очерком «Математический эпос Кавальери». Без этого предисловия современный читатель (не будучи специалистом именно в области истории геометрии) вряд ли правильно оценит труд Кавальери и поймет его роль и место в математике, религии, культуре.

Мы узнаем из него и о взаимоотношениях Кавальери с современными ему математиками — Кеплером, Гульдином, Галилеем, Торричелли**, Робервалем, а затем и о его роли в создании новейшей математики. Античную атомистическую математику возродил правочерный католик, находившийся на наилучшем счету у духовного начальства той церкви, которая запретила и неоднократно проклинала атомизм. Христианское богословие запретило составлять континуум из неделимых: «Всякие науки истинны, кроме тех, которые основаны на предположении, что непрерывное состоит из неделимых» (Брадвардин). С. Я. Лурье оправдывает интерес к своему герою тем, что хотя «...непосредственные преемники Кавальери — Паскаль, Лейбниц — пошли по пути Кеплера, Кавальери был гораздо строже их всех и, как справедливо указывал Карно, предсказал, в сущности, реформу, которую мы связываем с именами Ньютона, Лагранжа, Коши и Абеля» [35, с. 71]. Попутно С. Я. Лурье опровергает пристрастные оценки в новой истории математики — анализирует и отвергает высказывания М. Кантора, Г. Вилейтнера.

Торричелли, Уоллис (Валлис), Лейбниц, Барроу***, Ньютон (см.: [34]) — самые выдающиеся математики следующего века — признавали, что испытывают влияние «Геометрии» Кавальери.

Наиболее важным трудом последнего десятилетия жизни С. Я. Лурье было прочтение и истолкование надписей XV—XIII вв. до н. э., написанных одним из ви-

* Увлечение С. Я. Лурье атомизмом Демокрита и уверенность, что метод исчерпывания Архимеда, Евдокса, Евклида — это строгий метод изложения результатов, полученных сначала (для себя) атомистическим методом Демокрита, позволили проследить единую линию развития атомистической математики и показать парадоксальную черту творчества Кавальери: влюбленный в античность реакционер-романтик, пытающийся возродить в ущерб новой математике старую классическую, объективно был одним из революционеров в математике. Для Кавальери был недоступен «Эфод» Архимеда (письмо к Эратосфену), из которого он мог бы убедиться, что и сам Архимед находил свои решения при помощи атомистического метода (письмо к Эратосфену было обнаружено только в 1906 г. — текст Архимеда был смыт, но так, что прочесть его оказалось возможным с пергамента, на котором было написано некое христианское сочинение).

** Вот как они отзывались о методе Кавальери: «это истинно царская дорога среди зарослей математического терновника» (Торричелли); «метод, наиболее свободный от путаницы и удобный» (Уоллис) и т. п.

*** Через них с идеями математического атомизма познакомился Ньютон, который и сам ссылаясь на древних и Кавальери как на авторитет и отправной пункт рассуждений. Ньютон заимствовал понятие предела, идею, что протяженные элементы создают своим движением пространство.

дов крито-микенской письменности — так называемым линейным письмом В (критское письмо А так и не расшифровано). Еще в 1940 г., в первой части «Истории Греции», Лурье указывал, что в настоящее время шансы на расшифровку критских и микенских писем увеличились, так как в Микенах (Южная Греция) найдено около 600 глиняных табличек с письменами, написанными тем же линейным шрифтом, который был в ходу и на Крите. Так как эти тексты написаны скорее всего на греческом языке, то все данные за то, что удастся расшифровать и критские письмена.

Греческие надписи микенской эпохи (так называемого линейного письма В) стали находить в Кноссе на Крите уже в конце XIX в. Впервые несколько таких надписей опубликовал Артур Эванс в 1909 г. Однако лишь очень немногим приходило тогда в голову, что эти надписи могут быть написаны на греческом языке; полагали, что они, как и сходные с ними надписи, начертанные письмом А, написаны на каком-то неизвестном догреческом языке. Эти глиняные таблички, число которых превзошло уже несколько тысяч, относятся к XV в. до н. э. После ряда отдельных попыток (в том числе и ошибочных) разгадать тайну письма В удалось англичанину М. Вентрису*. В 1953 г. он вместе с Чадвиком опубликовал статью с кратким изложением своего открытия. При расшифровке в целом ряде надписей получается связный текст, написанный на кипро-аркадском диалекте (древнейшая форма греческого языка). Поэтому не осталось никаких сомнений в том, что огромное большинство знаков микенского силлабария (и притом знаки наиболее часто встречающиеся) прочтены Вентрисом правильно. Исследования историков показали, что Пелопоннес задолго до прихода дорийцев был населен греческими племенами, говорившими на наречии, близком к позднему кипро-аркадскому; часть их эмигрировала на Крит.

Несмотря на то, что еще много вопросов, связанных с микенской письменностью, остаются нерешенными, вновь найденные надписи обогатили науку рядом убедительных, твердо установленных фактов, проливающих новый свет на древнейшую историю греков.

Вентрису удалось определить фонетическое значение большинства знаков, однако это отнюдь не означало полного завершения работы по расшифровке надписей, написанных письмом В.

В 1955 г. Лурье поставил перед собой задачу дать общую характеристику языка микенских надписей и социально-политического строя микенской эпохи. Этим двум темам и была посвящена его монография «Язык и культура микенской Греции» [36]. «Только вновь найденные надписи, — писал С. Я. Лурье, — убедили нас окончательно в том, что описываемые Гомером греческие общества микенской эпохи были не примитивными родовыми общинами, „военными демократиями“, а централизованными государствами с большим бюрократическим аппаратом, частной собственностью на землю и развитым рабовладением. С другой стороны, мы увидели, что эти государства не были деспотиями восточного типа... Это были государства, в которых особым почетом и значением, наряду с представителями культа, пользовались ремесленники (в противоположность обществу, изображаемому Гомером)» [36, с. 12—13].

В последние годы жизни С. Я. Лурье вернулся к литературной работе, начатой еще в 1929 г. по совету С. Я. Маршака, — к книгам для детей. Это не было

* М. Вентрис (1922—1956) погиб в автомобильной катастрофе. Он не был специалистом по античной истории и филологии, по образованию он был архитектором. Несмотря на это, пишет С. Я. Лурье, ему удалось сделать, пожалуй, самое крупное и поразительное открытие в науке об античности со времени Возрождения — расшифровать микенское письмо В, несмотря на то, что никаких билингв не было и даже не был известен язык надписей. За короткое время он стал не только одним из лучших знатоков греческого языка, но и одним из крупнейших европейских специалистов по сравнительному изучению индоевропейских языков. Он охотно делился своими еще не опубликованными в то время достижениями, в частности, снабжал и С. Я. Лурье нужной тому информацией.

*С. Я. Лурье в бытность профессором Львовского университета.
Львов, 1962—1963 гг.*

для него случайным занятием. Дружба с детьми занимала в его жизни важное место. Довольно застенчивый и трудно сходящийся с новыми знакомыми, совершенно не способный к так называемому «светскому общению», Соломон Яковлевич чувствовал себя с детьми легче и свободнее, чем со взрослыми. Смешливый и остроумный, он быстро находил с ними общий язык, рассказывал им сказки, которых знал очень много, читал стихи, часто собственного сочинения, — не вполне благонаправленные с точки зрения строгой дидактики, но зато смешные; он очень не любил всевозможных педагогических запретов.

Первой книгой С. Я. Лурье для детей было уже упоминавшееся «Письмо греческого мальчика» [3] — рассказ о папирусе начала нашей эры. Эта светлая книга запомнилась детям 30—40-х и даже 50-х гг. бесхитростной манерой письма, чистосердечностью и увлекательностью. «Письмо...» переиздавалось не меньше шести раз.

В 1960—1964 гг. С. Я. Лурье написал три книги для детей: «Заговорившие таблички» — о расшифровке микенского письма, Крите и Микенах [37]; «Неугомонный» — о поэте VII в. до н. э. Архилохе [38] и «Путешествия Демокрита» [39] — эта книга, написанная вместе с М. Н. Ботвинником, вышла в свет уже после смерти Соломона Яковлевича.

Соломон Яковлевич Лурье умер во Львове, осенью 1964 г., будучи профессором на кафедре классической филологии Львовского университета.

Незадолго до кончины, когда его отвозили в больницу, Соломон Лурье вспомнил о счастливых и несчастных днях своей жизни. Самый счастливый день он назвал без колебаний — 27 февраля 1917 г. Сегодня отношение к Февральской революции — далеко не академическая проблема. Одним она видится как время недолговечной русской свободы, другим — как Смутное время, разрушившее благополучную и прекрасную жизнь в царской России. Нередко при этом возникают ассоциации с сегодняшним смутным временем. В воспоминаниях таких людей, как Лурье, это был прежде всего праздник, дни всеобщей радости: сняты запреты и правовые ограничения, можно говорить со всеми и писать обо всем, не боясь последствий и веря, что будущее зависит от нас самих.

Соломон Лурье видел все это: и в феврале, и в октябре 17-го года он был в Петрограде. Он был среди публики на единственном заседании Учредительного собрания 5(18) января 1918 г., участвовал в демонстрации в защиту Собрания в тот же день и в похоронах (9 января) демонстрантов, убитых красногвардейцами. В последующие годы он не менял своих убеждений, не принял «филономической» морали — из почтения к сильной власти, — как это случалось тогда со многими.

Статью можно было бы завершить сообщением о том, что в 1992 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Глагол» вышел посвященный памяти С. Я. Лурье сборник «Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья», и это прозвучало бы достойным финалом его земной жизни. Однако оставшееся после него наследство далеко еще не освоено, не исчерпано: после смерти Лурье остались не только ненапечатанные и незавершенные научные работы, — остались и записи, не относящиеся к его основной специальности — античной истории, — пожелтевшая от времени тетрадка, без обложки, с текстом, написанным частью каким-то особым письмом, напоминающим иероглифы, частью латинским шрифтом. Загадочный текст — слоговое письмо, существовавшее на острове Кипр в V—IV вв. до н. э. и близкое крито-микенскому письму. Для того, чтобы расшифровать текст тетрадки, пришлось обратиться к своеобразной азбуке — так называемому «кипрскому силлабарии». Время написания обозначено точно. Это 1947 год — «ждановщина», клеймение «низкопоклонства» перед Западом, которое вскоре превратится в борьбу с «космополитизмом». Уже расшифровка первой строки ведет нас не к глубокой древности, а ко времени, когда писалась тетрадь: «Об общих принципиальных основах советского строя».

Мы приводим важнейшие выдержки из «Кипрской тетради» (см.: [40]).

«Характерной особенностью советского строя является его своеобразная, не повторяющаяся нигде в истории, двуплановость: граждане Союза не только ведут тяжелую и безрадостную жизнь, но еще и обязаны в течение всей своей жизни непрерывно выступать актерами в веселом праздничном представлении о земном рае, не совместимом с будничной действительностью.

С точки зрения марксистской методологии истории, советский строй является рабовладельческим. Этот строй характеризуется прикреплением производителя к определенному предприятию и отсутствием свободы передвижения, переброской производителя с одного места на другое без его согласия, установлением зарплаты без согласия производителя, отсутствием у производителя собственных орудий производства. Все эти элементы налицо в разбираемом строе. Уход производителя с предприятия в большинстве случаев невозможен юридически, в других — он невозможен фактически, хотя в силу уже указанной двуплановости сохраняется фикция свободы выбора занятия.

Когда я в 1931 г. жил на даче в Белоруссии, существующую систему колхозов местные крестьяне называли „пригоном“, что по-белорусски означает „крепостное право“. Мальчика 16 лет, вернувшегося в колхоз из школы ФЗО вследствие голода и преследования товарищей, Устюженский народный суд приговорил к 6 месяцам заключения в тюрьму.

Самым специфическим, характерным для всего советского строя, казалось бы, внутренне противоречивым понятием является понятие „добровольно-принудительного“. Это один из наиболее ярких образов той „двуплановости“, того глубоко укоренившегося ханжества, которое, как мы уже говорили, составляет самую сущность данного режима. Займы, на которые каждый гражданин государства подписывается каждую весну, равняются от 8,5 до 12% всего заработка, причем принимаются самые действенные меры, чтобы истинный размер заработка не остался скрытым.

<...> Конкретно же по этим займам лишь очень немногие выигрывают и, за очень редкими исключениями, выигрывают 200 рублей, из коих за вычетом покупной суммы в 100 руб. остаются только 100 руб., то есть стоимость (по рыночной цене) 4-х кг хлеба. Ясно, что при таком положении дел никто и не рассматривает этот заем иначе, чем как „подарок государству“. Неудивительно поэтому, что, когда началась война и стали пропагандироваться „подарки государству“, все стали очень охотно жертвовать в любых количествах облигации займа. Это привело в ярость официальных лиц, которые прекрасно понимали, что от таких „харта каката“* никакой пользы государству нет; такие пожертвования стали рассматриваться как антипатриотические, имеющие целью подорвать доверие к государственному денежному бумагам!

Подписка на облигации займа — акт юридически строго добровольный. Административным органам, партийным и профессиональным организациям лишь вменяется в обязанность вести энергичную агитацию за подписку на заем. Как же обстоит дело в действительности? Каждому рабочему, служащему и т. д. точно указывается, на какую сумму ему надлежит подписаться (от 100 до 150% месячного жалованья), и все граждане точно подписываются

* То есть бумага для подтирки.

на эту сумму, исключая немногочисленных холуев и карьеристов, которые подписываются на сумму несколько большую, чем им указано, чтобы снискать благоволение начальства.

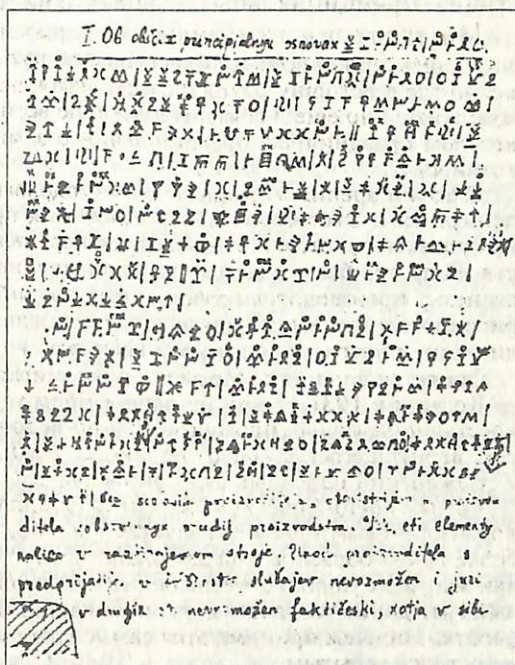
<...> Еще гораздо выше фактическое обложение крестьян. Теоретически входить или не входить в колхоз — дело добровольного согласия крестьянина: когда по всему государству разлилась волна отчаянных восстаний, Сталин издал особый указ о т. н. „головокружении от успехов“. Однако этот указ оказался таким же ханжеством, как и другие мероприятия: крестьянин, не вступивший в колхоз, оказывается в невыносимом положении — ему дают самую скверную, неплодородную землю, его облагают непосильными налогами, нередко его арестовывают; за редкими исключениями, все крестьяне вынуждены вступать в колхоз. Они получают сверх земли общеколхозного пользования еще карликовый участок земли для личного пользования и могут приобрести себе корову (приобретение лошади в частную собственность фактически невозможно). С этого участка они фактически и живут. В теории их главным доходом должен явиться доход с колхоза; не устают кричать о колхозах-миллионерах, о богатых колхозниках и т. д. В действительности система колхозов для того и устроена, чтобы государство могло получать львиную долю с их доходов. Если в колхозе остается несколько больше самого голодного минимума, то весь этот излишек поступает в государственную казну в виде „добровольной продажи государству по твердым ценам“ или „добровольных пожертвований“ крестьян (о понятии „добровольной принудительности“ мы говорили уже выше).

В результате случаи вымирания колхозников от дистрофии, т. е. последствий голода — обычное явление; не только в маленьких городах, но и в Ленинграде терапевтические отделения больниц переполнены дистрофиками, которым активно ставят самые причудливые диагнозы.

Мне не раз приходилось спорить с горячими поклонниками старого, ленинского коммунизма (поклонников сталинского коммунизма мне встречать не приходилось — те, которые выдавали себя за таковых, или непроходимые дураки, или — что встречается гораздо чаще — карьеристы и прохвосты). Их точка зрения такова: в политической, государственной деятельности можно иметь успех, только руководствуясь принципом „цель оправдывает средства“. Поэтому и ханжество, и демагогия, и издевательства над демократией можно простить, если это делается во искоренение эксплуатации одного человека другим, для создания коммунистического общества. Ленин был, мол, действительно великим революционером, так как он искренне делал все от него зависящее для создания такого общества; Сталин — лицемер, который фактически стремится к созданию авторитарного господства замкнутой касты; он создает государственный капитализм, государственное рабство, а коммунизм служит ему только фиговым листком.

Это коренное заблуждение, и личность вождя здесь не имеет никакого решительного значения. Общество, в котором значительная часть государственного дохода идет на непроизводительные, скажем, военные расходы, и в котором приходится кормить на народный счет шайки туенядцев и разбойников — профессиональных военных, ходом вещей не может не превратиться из коммунистической в государственно-крепостническую общину.

Поэтому Ленин на первой стадии своей деятельности выставлял тезис о невозможности построить социализм в одной стране. Оставалось или продолжать борьбу в мировом масштабе, или признать опыт неудавшимся и уйти со сцены. Но логика исторического развития сильнее партийных программ: уже Ленин, а в полной мере Сталин провозглашает новое Евангелие об оазисе СССР, в котором будет тепличным образом культивироваться коммунистическое общество. К чему это привело: ввиду капиталистического окружения гораздо больше половины всех государственных расходов пришлось тратить на военные нужды (при наличии тоталитарного строя истинный размер этих расходов определить невозможно, но даже по официальным, не соответствующим действительности данным, эти расходы — колоссаль-

Страница из «Кипрской тетради»

ны), пришлось создать и культивировать замкнутое и реакционное военное сословие, прекрасно обеспеченное и не занимающееся никаким производительным трудом. Поэтому ценности, создаваемые потом и кровью производителей, не идут им же на потребу, что должно быть основной сущностью социалистического общества; им оставляется в лучшем случае ничтожный минимум, едва достаточный для того, чтобы не умереть с голоду (смерть от голода людей, полностью занятых в производстве, стала в последнее время обычным явлением в СССР), а все остальное идет на „нужды обороны“, а также на огромные армии туеядцев — военных, правителей, чиновников и их семей, причем, разумеется, внутри этого класса эксплуататоров нет никакого социального равенства, отношение фактического размера высшей ставки к низшей (включая всякого рода пайки, лимиты, открытые счета и т. п.) равняется 1:100, если не больше.

Казалось бы, что введенные новым правительством поголовная грамотность и наличие большого досуга (в стране установлен законом 8-часовой рабочий день), широкое обеспечение на случай инвалидности и смерти, также провозглашенное законом, неизбежно должны были породить высокую сознательность народных масс; следует поэтому, казалось бы, считать, что эти люди сознательно и обдуманно предпочли этот труд капитализму и полукапитализму. Но грамотность граждан выражается в том, что они умеют читать и писать, знают начальные правила арифметики и т. д.; с другой стороны, с первого же дня обучения ведется систематическая и назойливая кампания по оболваниванию. Ханжеское официальное толкование происходящего вдалбливается в голову с первого дня обучения; там, где эти „толкования“ явно и резко противоречат повседневной действительности, учащийся, разумеется, не верит им, но с детства приучается к „эвфемизму“, к особым правилам приличия, в силу которых в ряде важнейших вопросов говорить надо не то, что думаешь, — это обучение, к сожалению, с детства калечит души граждан. В случаях же, не опровергаемых непосредственным опытом жизни, он слепо принимает на веру эти „толкования“. Это имеет место особенно в тех случаях, когда речь идет о каком-нибудь „козле отпущения“, который изображается главным виновником всех бед и всех тягот жизни (этот прием применялся уже в глубокой древности — всегда с большим успехом). Таким „козлом отпущения“ служили в 20-х и 30-х годах „вредители“, затем эта роль была передана немцам; по-видимому, теперь в этой роли выступают англичане и американцы; одновременно начинает проявляться тенденция валить вину на евреев, что в течение тысячелетий давало прекрасные результаты. Понятно, что такое обучение менее всего в состоянии создать сознательных граждан...»

Таков этот текст. Многие, о чем здесь написано, не кажется совершенно неожиданным: о системе, сложившейся в нашей стране за семь десятков лет, написано и напечатано уже немало. Мнимо «социалистический» строй определяли и как «административно-командную систему», и как «тоталитаризм», и как «феодальный социализм». Сам С. Я. Лурье, наряду с понятием «рабовладения», «государственного рабства», употреблял и понятие «государственного капитализма».

Но важнее другое. Когда Соломон Яковлевич писал свою тетрадку, он совершал по тому времени государственное преступление. Если бы ее нашли, то прочесть несложные записи латинским письмом было бы совсем не трудно, а потом сумели бы расшифровать и кипрскую тайнопись. И все-таки он хранил эту тетрадь до своей смерти, даже в 1949 г., когда приход незваных гостей был вполне вероятным. Почему он это делал? Он не надеялся, что текст этот может быть обнародован при его жизни и вообще в близкое время. Его «кипрская тетрадка» — это настоящая «Historia arcanum», тайная история, адресованная далеким потомкам.

Список литературы

1. Каверин В. А. От случая к случаю // Огонек. 1986. № 27.
2. Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Париж, 1987.
3. Лурье С. Я. Письмо греческого мальчика. (Рассказ для детей о Древней Греции и Египте.) М.-Л., 1930, 1936, 1940 и др., а также перевод на украинский: Лурье С. Я. Лист грецького хлопчика. Київ, 1957.
4. Лурье С. Я. Херонейская надпись 16.VII.3376 // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 12.
5. Лурье С. Я. Беотийский союз. СПб., 1913.
6. Письмо У. Вилламовица // Архив РАН. Ф. 976. Оп. 3. № 159.
7. Лурье С. Я. История античной общественной мысли. М.-Л., 1929.

8. Лурье С. Я. Антисемитизм в древнем мире. М.-Л., 1922.
9. Лурье С. Я. Вопросы войны и мира 2300 лет назад // Летопись. 1916. Июнь.
10. Печать и революция. 1923. Кн. 3.
11. Лурье С. Я. Антифонт. М.-Л., 1925.
12. Лурье С. Я. Предтечи анархизма в древнем мире. М.-Л., 1926.
13. Лурье С. Я. Демокрит. Тексты, переводы, исследования. Л., 1970.
14. Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.-Л., 1947.
15. Лурье С. Я. История Греции. Ч. I. Л., 1940.
16. Плутарх. Избранные биографии. М.-Л., 1940.
17. Лурье С. Я. Геродот. М.-Л., 1947.
18. Архив РАН. СПб. Ф. 133. 1949. Резолюция от 14 апреля 1949 г., № 7.
19. Архив РАН. СПб. Ф. 133. Оп. 1 (1948). № 11. Л. 64—73.
20. Лурье С. Я. История Греции. Курс лекций. СПб., 1993.
21. Лурье С. Я. (Некролог.) // Вестник древней истории. 1965. № 1.
22. Жебелев С. Я. Последний Персид и скифское восстание на Боспоре // Изв. ГАИМК. М.-Л., 1933. Вып. 70.
23. Вопросы истории. 1948. № 12. С. 183.
24. Lurie S. J. Jeszcze o dekrecie ku czci Diofantosa «Meander». 1959. Zesz. 2. S. 67—78; Zesz. 4—5. S. 269.
25. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 303, 336—373 (прим.).
26. Струве В. В. Восстание Савмака // Вестник древней истории. 1950. № 3. С. 23—40.
27. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 1.
28. История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986. С. 346.
29. Лурье С. Я. Архимед. М.-Л., 1945.
30. Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979.
31. Лурье С. Я. Теория бесконечно малых у древних атомистов. М.-Л., 1935.
32. Веселовский И. Н. Вступительная статья // Архимед. Сочинения. М., 1962.
33. Zubov V. P. К вопросу о математическом атомизме Демокрита // Вестник древней истории. 1951. № 4. С. 204; Он же. Развитие атомистических представлений до начала XIX в. М., 1965.
34. Лурье С. Я. Предшественники Ньютона в философии бесконечно малых // Исаак Ньютон. Сб. М.-Л., 1943.
35. Лурье С. Я. Математический эпос Кавальери // Кавальери Б. Геометрия непрерывного, изложенная новым способом на основе неделимых, с введением и примечаниями. М., 1936.
36. Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.-Л., 1957.
37. Лурье С. Я. Заговорившие таблички. (Школьная библиотека). М., 1960.
38. Лурье С. Я. Неугомонный. М., 1962.
39. Лурье С. Я., Ботвинник М. Н. Путешествия Демокрита. М., 1964.
40. Лурье Я. С. Кипрская тетрадь // Невское время. 1991. 24 августа.